

Финалист
Национальной премии
за художественную прозу
и премии «Киркус»

ЛАЙЛА ЛАЛАМИ ДРУГИЕ АМЕРИКАНЦЫ

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ АВАРИЯ,
КАК ВЗМАХ КРЫЛЬЕВ БАБОЧКИ,
ЗАПУСКАЕТ РЯД НЕОЖИДАННЫХ
И ОПАСНЫХ РАЗОБЛАЧЕНИЙ.

Большой роман (Аттикус)

Лайла Лалами

Другие американцы

«Азбука»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лалами Л.

Другие американцы / Л. Лалами — «Азбука», 2019 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-34404-4

Калифорния, наши дни. Поздним весенним вечером марок канского иммигранта Дрисса Геррауи на перекрестке насмерть сбивает машина... Эта трагедия невольно сводит вместе совершенно разных людей: дочь Дрисса, его тоскующую по родине вдову, свидетеля-нелегала, до смерти боящегося депортации, ветерана войны в Ираке, детектива с семейными тайнами и ищущего примирения соседа. По мере того как персонажи рассказывают свои истории, мы узнаем, что, несмотря на расовые, религиозные и социальные различия, между ними существуют притягивающие их друг к другу связи. А когда раскрывается, что произошло с Дриссом Геррауи на самом деле, старые тайны вы ходят наружу, обнажая лицемерие жителей городка, – и наперекор всему дают начало новой любви.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34404-4

© Лалами Л., 2019

© Азбука, 2019

Содержание

Нора	6
Джереми	9
Эфраин	12
Нора	14
Джереми	19
Мариам	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лайла Лалами

Другие американцы

Посвящается А. и С.

Laila Lalami
THE OTHER AMERICANS
Copyright © Laila Lalami, 2019

Настоящее издание выходит с разрешения Trident Media Group, LLC и The Van Lear Agency.

© Л. А. Базян, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Нора

Отца убили четыре года назад весенним вечером, когда я сидела в углу за столиком в новом, недавно открывшемся бистро в Окленде. Всякий раз, когда я думаю об этом, перед глазами всплывают две противоположные картинки: отец, задыхающийся на растрескавшемся асфальте, и я в кафе чокаюсь шампанским с Марго, соседкой по квартире. Мы праздновали, потому что Марго получила грант от фонда Джерома¹ и могла начать работу над своим произведением, это был второй ее крупный заказ в этом году. Мы заказали блюдо мидий, приготовленных на пару, съели его вдвоем и засиделись допоздна. Официант пытался убедить нас заказать на десерт шоколадный мусс, когда у меня зазвонил телефон.

Я плохо помню, что произошло потом. Должно быть, я рассказала Марго о том, что случилось. Потом мы, наверное, оплатили счет, надели пальто и прошли пешком пять кварталов до нашей квартиры. Кто-то из нас собрал мне сумку. Зато я помню, как ехала домой по 5-й автомагистрали сквозь ночной туман, окутавший миндальные рощи и апельсиновые сады, и думала о том, что наверняка это какая-то ошибка: в полиции неверно опознали тело или в больнице документы отца перепутали с чьими-то чужими. Я понимала, что такое вряд ли могло произойти, и все равно цеплялась за эту жалкую надежду, пока ехала. Фары освещали дорогу впереди лишь на несколько метров. Но на рассвете туман рассеялся, и, когда я добралась до Мохаве, на ярко-голубом небе висело ослепительное солнце.

Когда я вошла в родительский дом, там было пусто и тихо, слышен был только стук моих каблучков по полу, выложенному травертиновой плиткой. На столике в прихожей валялся номер «Ридерс дайджест», связка ключей, прикрепленных к желтому браслету, и солнцезащитные очки без одной линзы. На стене в коридоре одна из фотографий покосилась. Мама сидела на диване в гостиной и бессмысленно разглядывала радиотелефон, который держала в руке, будто не могла вспомнить, как им пользоваться.

– Мам, – окликнула я ее, но она не подняла головы, как будто не услышала. На ней была белая рубашка и черное кимоно, в котором она ходила на карате накануне вечером. Рядом на оттоманке валялась брошенная спортивная куртка с кровавой аппликацией дракона на спине.

Мне вдруг показалось, что папа где-то рядом: вот его полупустая пачка сигарет на подоконнике, потрепанные тапочки под журнальным столиком, вот следы зубов на карандаше, торчащем из сборника кроссвордов. Сейчас он войдет, весь пропахший кофе и гамбургерами, и скажет: «Не поверишь, что мне сегодня утром рассказала одна покупательница», а потом заметит меня у кресла и вскрикнет: «Нора! Ты когда приехала?!» Его глаза засияют от восторга, он поцелует меня в обе щеки, и я почувствую, как щекочется его щетина. «Только что, – отвечу я, – только что приехала».

Но никто не вошел в комнату, и острая боль пронзила меня где-то в районе живота.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я, хотя имела в виду, что не могу поверить в случившееся. Только это я и чувствовала с тех пор, как услышала новость. – Я только вчера с ним разговаривала.

Мама наконец шевельнулась. Она подняла голову, и я увидела ее покрасневшие глаза и потрескавшиеся губы.

– Ты с ним разговаривала? – удивленно спросила она. – Что он сказал?

Скрипнула заслонка почтового ящика, и почта глухо шлепнулась на пол у двери. Кошка, дремавшая в плетеной корзинке, подняла голову, потом снова свернулась клубочком.

– Что он сказал? – снова спросила мама.

¹ Благотворительный фонд, учрежденный американским кинематографистом Джеромом Хиллом для помощи начинающим артистам и художникам. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Ничего. Он просто хотел поболтать со мной, но у меня был урок, и я собиралась выпить кофе в те несколько минут, что у меня оставались до конца перерыва. Обещала ему перезвонить.

В отчаянии я прикрыла ладонью рот. Это был мой последний шанс поговорить с ним, услышать нежность в его голосе, а я упустила этот шанс. И все это ради горького кофе в бумажном стаканчике, который наспех проглатываешь, прежде чем взглянуть в скучающие лица детей, совершенно не понимающих, зачем им читать «Одиссею».

Мотоцикл пронесся по улице, дрогнули стекла в окнах. Я нервно щелкнула застежкой на часах. Затем в комнате снова воцарилась мрачная тишина.

– Что папа делал в ресторане так поздно? – спросила я. – Разве не Марти обычно все закрывает?

– Он купил новые светильники и хотел установить их, а Марти отпустил домой.

А что случилось потом? Наверное, он запер ресторан и вышел на улицу. Скорее всего, вертел в руках ключи, как всегда, когда задумывался о чем-нибудь, или его отвлекло сообщение на мобильном. В любом случае он не слышал и не видел, что на него несется машина, а потом уже было слишком поздно. Ему было больно? Он звал на помощь? Как долго он пролежал на асфальте, прежде чем испустил дух? Вдруг вспомнилась давняя летняя вечеринка в доме соседей, мне тогда было четыре года. Соседи тогда отремонтировали задний двор и хотели показать родителям, какой они оборудовали там уютный уголок для отдыха и барбекю. Сестра бросила меня: ей было уже десять и хотелось поиграть со старшими детьми. Я решила погоняться за стрекозами, но только мои пальцы сомкнулись вокруг одной из них, как я свалилась в бассейн. Вода была ледяной и на вкус напоминала миндаль. Меня камнем потянуло на дно, я поняла, что больше никогда не вдохну воздуха. Я пробыла в бассейне не дольше мгновенья, отец нырнул за мной, но за одно это мгновение мои конечности заledenели, грудь горела, а сердце почти остановилось. И теперь эта боль вернулась ко мне.

– Что-то здесь не так, – сказала я, чуть помолчав. – Стоило отцу задержаться допоздна в ресторане, как его насмерть сбила машина.

Я спохватилась, что произнесла эти слова вслух, но поздно. Мама заплакала. Она рыдала громко, даже не пытаясь сдержаться. У нее покраснело лицо, плечи дергались. Я пересекла гостиную, сдвинула в сторону свернутый молитвенный коврик, села рядом с мамой и, крепко прижав ее к себе, почувствовала, как она дрожит. Все это было очень странно и непривычно: и то, что я приехала домой весной в будний день, и то, что не сняла туфли в помещении, и то, что утешала плачущую маму. В нашей семье главным утешителем был отец. Именно к нему я прибегала, когда случалось что-нибудь плохое, будь то царапина на коленке, полученная при падении с турника в восемь лет, или проигрыш на очередном конкурсе композиторов месяц назад.

Мама вытерла нос скомканной салфеткой.

– Я поняла, что что-то не так, когда вернулась от твоей сестры. Зашла к ней, чтобы отдать детям нашивки для кимоно, в которых они ходят на карате, и она предложила остаться на ужин. А потом вернулась домой, но его не было.

Кресло, в котором обычно сидел папа, еще хранило отпечаток его тела. Как будто он вышел ненадолго в соседнюю комнату.

– Что сказала полиция? – спросила я. – У них есть предположения?

– Нет. Детектив задавала много вопросов. Спрашивала, были ли у него проблемы с деньгами, принимал ли наркотики, играл ли в азартные игры, были ли у него враги. И подобное. Я ответила, что нет.

Помню, как меня удивили эти вопросы, потому что в моей голове в этот момент крутились совсем другие: кто был за рулем и почему он сбил моего отца и уехал? Потом я рассеянно глянула в окно. Два черных дрозда сели один за другим на электрический провод. Сосед

напротив сдувал огромного пасхального кролика, который пылился у него во дворе уже не первую неделю. Кролик бессмысленно таращился на своего хозяина огромными темными глазами, пока не рухнул к его ногам. Ветер трепал флаг на шесте, солнце палило нещадно.

Джереми

В то время я страдал от бессонницы и ходил в спортзал к открытию, в пять утра. Врач посоветовала мне регулярные физические упражнения, говорила, что это поможет. Она много чего советовала. Горячую ванну. Плотные шторы. Чтение. Настой ромашки. Я часами сидел в ванной, читал перед сном, пил настой ромашки чашка за чашкой, но ночью все равно лежал без сна, слушая, как тикают часы на тумбочке у кровати. Я уговаривал себя, как будто возможно уговорить себя заснуть: «Если ты сейчас заснешь, то сможешь поспать часа четыре, или три, или хотя бы два». А потом, незадолго до пяти, вставал и отправлялся в фитнес-центр «Дезерт».

В то утро я уже закончил кардиотренировку и качал мышцы на разных тренажерах, когда в зал вошел Фиерро. В спортзале в такую рань почти никого не было, так что я обрадовался ему, хоть он постоянно говорил о своей бывшей. Они тогда только расстались с Мэри, и он не мог с этим смириться. Из-за его болтовни я сбивался со счета, и приходилось дважды начинать комплекс заново, чтобы быть уверенным, что довел его до конца. Пятьдесят обычных скручиваний, пятьдесят обратных, пятьдесят двойных, пятьдесят велосипедных. Оставалось еще двадцать минут до начала рабочего дня, и я решил пропустить упражнение на бицепсы и перешел сразу к жиму лежа. Мне нравилось не спеша поднимать штангу. До сих пор нравится. Я надел на штангу двести пятьдесят фунтов и лег на скамью, но Фиерро вдруг без спроса добавил еще по пятнадцать с обеих сторон.

– Ты что делаешь? – спросил я.

– Да ладно тебе. Если уж качаться, то правильно.

Он стоял у скамьи, готовый подстраховать, и ждал. На нем была серая футболка с надписью «Одним выстрелом – наповал», ее короткие рукава он закатал, чтобы были видны мускулы.

– То есть как ты?

Он наклонился, повернувшись ко мне здоровым левым ухом.

– Что ты сказал?

– Неважно, – ответил я. Можно было препираться с Фиерро весь день или смириться и прийти на работу вовремя. Я начал поднимать штангу.

– Короче, – сказал он, – прошлым вечером выяснилось, что Мэри забыла поменять свечи зажигания на «мустанге», хотя я трижды ей напоминал. Испортит отличную тачку. Слушай, сделай перерыв, если устал.

Я чувствовал, как со лба стекает пот, но не останавливался. Мне не хотелось, чтобы Фиерро оказался победителем. Мы служили вместе в морской пехоте и в те дни не уступали ни в чем друг другу. В спортзал вошла блондинка в черном трико, и все внимание Фиерро сосредоточилось на ней. Он проводил ее взглядом до дверей раздевалки.

– Я сказал Мэри, что не подпишу документы о разводе, – продолжил он сквозь зубы, – пока она не отдаст мне ключи.

Фиерро произнес это так, будто гордился своим решением, будто теперь наконец-то настоял на своем.

– А разве это не ее машина? – спросил я.

Я пару раз катался на этом «мустанге», после того как мы с Фиерро вернулись из Ирака. Лениво потягивал виски из фляжки на заднем сиденье, а Мэри везла нас туда, куда мы собирались в тот день, в бар или в клуб. Всякий раз, когда она поворачивала или перестраивалась в другой ряд, серебряный ангелочек на цепочке, прикрепленный к зеркалу заднего вида, начинал раскачиваться. Помню, однажды она стала рассказывать, как ездила с подругами по работе на девичник в Вегас, и Фиерро грубо перебил ее. «В первый раз слышу о каком-то девичнике, ты никогда мне о нем не рассказывала», – возмутился он. Это была одна из первых их ссор. С тех пор они постоянно ругались, даже после того, как разъехались.

– Ее машина? А кто внес за нее первый взнос? Кто заменил дурацкие колпаки на хромированные диски? Кто поставил спортивную резину прошлым летом? – Фиерро ткнул себе в грудь большим пальцем, искривленным из-за старого перелома. – Я! Я все это сделал! – Он положил руки на штангу. – Ладно, Горецки. Отдохни.

– Все в порядке, – сказал я. Времени на отдых у меня не было. Если опоздаю на работу, Васко устроит мне разнос. Он уже довольно давно пытался подловить меня на чем-то, чтобы потом сказать, что, мол, надо пересмотреть график и не перейти ли мне в другую смену. Мне никак не удавалось разгадать, по какой причине он так ненавидит меня. Я сделал последние несколько подъемов и сел, чтобы перевести дух. Рубашка стала мокрой от пота и липла к груди.

– Ты вроде рассказывал, что она встречается с кем-то? – спросил я.

– Что? Ничего не слышу, музыка орет.

– Ты говорил, что у Мэри уже кто-то есть.

– Да.

– Значит, к тебе она не вернется. Так подпиши чертовы бумаги, и делу конец.

– Нет уж. Не выйдет у нее так просто от меня отделаться. Вычеркнуть прошлое, как будто ничего и не было. Как будто *меня* не было. Не дождется!

Он добавил на штангу еще по двадцать пять фунтов с обеих сторон и устроился на скамье. Со стороны казалось будто он поднимает ее без особых усилий, дышит ровно и спокойно – вдох-выдох, вдох-выдох.

Я вытер лицо полотенцем и с минуту наблюдал за ним. После того как они с Мэри расстались, он много времени проводил в спортзале. Иногда занимался по два раза в день.

– Сестра устраивает барбекю, – сказал я. – Пойдешь со мной?

– Конечно, если она не против.

– Ясно, не против. Неохота идти одному. Очень выручишь меня, если согласишься.

– Лады, договорились. Когда?

– Послезавтра.

Десять минут спустя я уже мчался на джипе по 62-му шоссе, тарахтящий мотор нарушал тишину раннего утра. Восходящее солнце окрасило небо в ржаво-красный, мне захотелось ощутить остатки утренней прохлады, и я опустил стекло. В кофейнях и закусочных, словно промаргиваясь от сна, загорались огни. В участке я переоделся в форму и побежал в конференц-зал, но обнаружил, что пришел туда последним. Сержант Васко уже начал инструктаж и монотонно зачитывал отчеты за прошедшую ночь. Я сел и постарался не встречаться с ним взглядом.

– Поножовщина в Пятьдесят пятом квартале по Шэдоу-Маунтин-роуд. Подозреваемый расстроился из-за того, что его мать собиралась переехать к мужчине, с которым только познакомилась. Вытащил нож и трижды полоснул ее бойфренда по рукам. Нападение собаки в Тридцать втором квартале по Бермуд-авеню. Владельца неоднократно предупреждали, просили следить за своим питбулем, но он выпустил пса во двор, и тот перескочил через забор и напал на соседского ребенка. Наезд со смертельным исходом в Восемьдесят третьем квартале по Чемеуэви на пересечении с Шестьдесят вторым шоссе. Водитель скрылся с места происшествия. Ночью расписали граффити стену школы. Второй случай за эту неделю. Это все. – Он начал складывать бумаги в папку и окинул взглядом присутствующих в комнате полицейских. – И последнее. В соцсетях никак не уймονται по поводу инцидента с Боуденом. Десятисекундного видео, сделанного на мобильник, людям достаточно, чтобы решить, что они во всем разобрались. Не обращайтесь внимания. Мы не должны отвлекаться на всякую чушь в Интернете. Мы – профессионалы и обязаны выполнять свою работу.

Васко, должно быть, очень спешил и вышел из конференц-зала, никак не прокомментировав мое опоздание. «Везет мне сегодня», – подумал я. Смена прошла тоже довольно спокойно: одна жалоба на шумных соседей, штраф за неправильно припаркованный автомобиль,

звонок в 911, который, как оказалось, набрали случайно, и Марти Джеймисон, которая в очередной раз попыталась заявить, что у нее украли ативан и перкосет, чтобы снова получить эти лекарства по рецепту. Вечером, снимая форму, я поймал себя на том, что мысленно составляю список всего, что мне еще нужно сделать вечером. Прочитать то, что нужно для занятий по этнологии. Поработать над эссе по истории, подготовиться к экзамену. Работу по английскому отправить по электронной почте. На выходе из участка я глянул на доску со списком дел, по которым велось следствие. Одно имя заставило меня остановиться. Геррауи.

Эфраин

Я видел, как это случилось. Лучше бы не видел, потому что из-за этого у меня начались неприятности. И зря я рассказал обо всем Мариселе. В тот вечер я ехал на велосипеде по 62-му шоссе домой с работы, и тут с заднего колеса соскочила цепь. Когда мы жили в Аризоне, у нас была машина, «тойота-королла». Мы купили ее за 875 долларов у одного из служителей нашей церкви, но она сломалась после переезда, а отремонтировать ее или купить новую было нам не по карману. Получилось, что мы просто выкинули 875 долларов. Иногда Марисела жалуется, что другие приезжают в эту страну, чтобы добиться успеха, а мы всего лишь плетемся у них в хвосте. На это я ей отвечаю, что делаю все, что в моих силах, но выше головы не прыгнешь. Хотя мог бы ответить, что и мы бы добились успеха, если бы нам не надо было содержать двоих ее сестер в Торреоне. И велосипед не так уж и плох, Энрике отдал мне его задаром, я могу ездить на нем где хочу. Только цепь все время соскакивает.

Именно это и случилось в тот вечер. Я остановился, потому что соскочила цепь. Я оттащил велосипед к тротуару, недалеко от того места, где 62-е шоссе пересекается с Чемеуэви-Уэй, и перевернул его вверх колесами. Вернуть цепь на место достаточно просто, но было темно, а у меня дальновзоркость, и я плохо видел, что делаю. Обычно я не ношу с собой очков, потому что они мне не нужны во время чистки ковров, которой я занимаюсь днем, и вечером во время стирки постельного белья в мотеле тоже вряд ли могут пригодиться. Я опустился на колени и начал на ощупь, звено за звеном, натягивать цепь обратно на шестерню заднего колеса. У меня получалось не быстро, но в конце концов я справился, только руки очень испачкал. Я осторожно поднялся, вытянув вперед руки, будто нащупывал что-то в темноте, потому что мне не хотелось испачкать брюки велосипедной смазкой. И вот тут я услышал шум приближавшегося к перекрестку автомобиля, а потом глухой звук. *Бум.* Такой вот. Я поднял голову, но машина уже сворачивала на боковую улицу. Какой-то старик скатился с капота и рухнул на дорогу лицом вниз, а машина даже не остановилась – поехала себе дальше, будто сбила консервную банку или пластиковую бутылку.

– Надо позвонить в полицию, – сказала Марисела.

Я прошел мимо нее к кухонной раковине и выдавил на руки средство для мытья посуды, чтобы оттереть с пальцев велосипедную смазку.

– Ты забыла, что случилось с Арасели? – спросил я.

Арасели жила на той же улице, что и мы, когда мы жили в Тусоне. Такая полная хохотушка с пышной прической. Она позвонила в полицию, чтобы сообщить о соседе, который избивал жену, но, когда полицейские приехали взять у Арасели показания, выяснилось, что у нее нет документов. Не успела она и глазом моргнуть, как Миграционная служба уже стучалась к ней в дверь. Калифорния не Аризона, так люди говорят, здесь другие законы, но лучше не рисковать.

– И что, ты просто уехал? – спросила Марисела, приложив руку к щеке. В ярком освещении кухни веснушки у нее на переносице казались темнее. Мы женаты уже двенадцать лет, а эти веснушки до сих пор выводят меня из равновесия. Я не мог солгать ей. Я отвернулся, продолжил нервно оттирать грязь с рук. Она подошла ближе, а когда заговорила вновь, в ее голосе звучало недоумение: – Ты просто бросил старика на дороге?

Вообще-то, нет. Не совсем. Я вытащил из кармана телефон, перепачкав его смазкой, но вспомнил, что звонок могут отследить. Тогда я оглядел дома, стоявшие рядом вдоль 62-го шоссе. Думал, куда обратиться за помощью. Там была закусочная с яркой вывеской, но окна не светились, только надпись «Закрито» мигала красно-синим неоновым светом. Рядом с закусочной еще работал боулинг, и я пошел туда, но потом разглядел в темноте бегуна, который трусцой приближался к перекрестку. Это оказалась женщина в спортивных шортах – светлые

волосы были собраны в хвост, а уши заткнуты наушниками. Она вряд ли что-то слышала, но как раз приближалась к шоссе, поворачивающему на Чемеуэви. Я понял, что она увидит старика на дороге и вызовет полицию. После этого я сел на велосипед и поехал домой.

– Значит, ты ему не помог? – спросила Марисела.

– Я ничем не мог ему помочь, – ответил я, вытирая руки бумажным полотенцем. Под ногтями остались следы грязи. Я прошел в спальню мимо Мариселы, мне хотелось снять наконец форму. Дети спали на кровати у окна, и я двигался тихо, чтобы не разбудить их. Елене в то время было восемь, а Дэниелу – шесть. Оба американские граждане, хочу это подчеркнуть. Все, что я делал, я делал ради них. Или все, что не делал, в этом случае лучше сказать так.

Я взял чистое полотенце из стопки на кровати, и пошел в душ. Вода была теплой, я закрыл глаза, но передо мной возник образ старика, уткнувшегося лицом в водосточную канаву. Одна его нога была вывернута под неестественным углом, а рука прижата к груди, будто он хотел оттолкнуться от земли и встать. С закрытыми глазами я разглядел новые детали, на которые не обратил внимания в момент шока. На электрическом столбе позади него висело объявление, напечатанное на желтой бумаге и приколотое на уровне глаз. А почти в двух метрах от этого объявления белела копна седых волос старика, его ярко-зеленая рубашка выделялась на сером асфальте.

Я открыл глаза под водой. «Нет, – сказал я себе, – я не свидетель происшествия». Я видел только, как человек упал на землю, и белую машину, исчезающую в ночи. Я даже не мог сказать точно, какого она была цвета. Может быть, белая, а может, и серебристая. И что это была за марка или модель, я тоже не понял и не запомнил номерной знак. Так что, видите, я и правда ничем не мог бы помочь. Я видел только, как человек упал на землю.

Нора

Я вышла из душа, вытерла запотевшее зеркало, заглянула в него и увидела свое встревоженное, изменившееся лицо. Я будто ждала чего-то. Я не могла поверить, что жизнь потечет дальше, день за днем, а отца в ней больше не будет, что на следующее утро взойдет солнце, и мама будет сидеть на кухне за столом, что кошка будет так же, как и раньше, облизывать еду, а соседка идти по улице, опираясь на ходунки. В последний раз я приезжала домой на День благодарения. С тех пор прошло всего пять месяцев, а я никак не могла вспомнить, как мы провели тогда праздник. Помню, что после застолья играли в настольные игры, посмотрели фильм в «Синема 6», прогулялись с папой в национальном парке Джошуа-Три. Но ничего более конкретного о тех четырех днях я вспомнить не могла. Обычные четыре дня.

После душа я одевалась как-то очень долго. Надела платье, пояс, часы, но каждый раз, когда начинала что-то надевать, задумывалась так глубоко, что мне приходилось специально вспоминать, что я еще не застегнула пуговицу или застежку, не затянула ремешок. К тому времени, как я вышла из спальни, волосы успели высохнуть. Я шла через прихожую на кухню, и в этот момент распахнулась дверь. Вошли Сальма, Тарек и их близнецы. Взрослые несли сумки с продуктами, а восьмилетки сжимали в руках планшеты.

– Тетя Нора, – окликнул меня Заид и кинулся обниматься, Аида тоже подошла и тихо прижалась, обхватив руками мою талию.

Я обняла их в ответ и удивилась, как до сих пор иногда удивляюсь, тому, как они выросли с тех пор, как мы виделись в последний раз. Заметила и еще кое-какие небольшие изменения. Пятна псориаза на локтях у Аиды увеличились в размере, а у Заида на тыльной стороне ладони появилась временная татуировка с Капитаном Америкой. Как-то теплым весенним днем мы вместе с папой наблюдали, как дети плещутся в надувном бассейне, и он вдруг спросил меня: «Что дороже родных детей?» Я думала над ответом целую минуту, а потом сдалась. «Что?» – спросила я. «Родные внуки», – ответил он. Что ж, больше он никогда не увидит внуков, не построит космический корабль из лего с Заидом, не научит Аиду решать кроссворды.

– Ты когда приехала? – спросила сестра, бросая на пол сумки с продуктами.

– Рано утром, – ответила я.

Сальма казалась поразительно бледной, а блузка в горошек и черные брюки сидели на ней так мешковато, что я задумалась, не больна ли она. Но мысль эта испарилась, как только сестра подошла ближе. Мы обнялись, и она заплакала. Я вдруг поняла, что утешаю ее, так же как некоторое время назад пыталась утешить маму. Муж Сальмы стоял рядом и ждал, но момент затянулся, и он попросил близнецов пойти в гостиную, а сам принес из ванной для гостей коробку бумажных носовых платков.

– Прости, что сообщила тебе об этом эсэмэской, – сказала Сальма. – Я никак не могла до тебя дозвониться.

– Я ужинала в ресторане, – ответила я, – и не слышала звонка, твоего сообщения я тоже не читала. Мне мама все рассказала.

Эта мысль по-прежнему не давала мне покоя: пока отец лежал на тротуаре и истекал кровью, я праздновала с Марго.

– Ты купила кофе? – Мама появилась на пороге комнаты. Ее глаза казались крошечными, а на щеках проступили розовые прожилки.

– Да, мама, – ответила Сальма.

Я взяла одну из сумок и пошла за матерью и сестрой на кухню. На стене над полкой со специями висел в рамке коллаж из черных бобов в форме дерева, который я выложила во втором классе. Над каждой веточкой стояло имя: папа, мама, Сальма, Нора. Я была самой правой веточкой. На дверце холодильника из нержавеющей стали были наклеены с полдю-

жины фотографий близнецов Сальмы и магнитный календарь. Абсолютно пустой календарь, ни одной пометки о встрече. Тарек взял лист бумаги и черный маркер с маленького стола у окна, на котором валялись счета и журналы.

– Что ты пишешь? – спросила Сальма.

– Объявление для ресторана. – Он поднял вертикально листок бумаги. – Повесим на двери.

И он написал большими печатными буквами: «РЕСТОРАН НЕ РАБОТАЕТ ИЗ-ЗА СМЕРТИ В СМЬЕ».

– Ты пропустил одну «Е», – сказала я.

Тарек повернул к себе листок, чтобы убедиться, что я права.

– Всего одна буква, – сказал он и пожал плечами. – Это неважно.

– Еще как важно. Папе бы это не понравилось. Он болезненно относился к таким вещам. – Я повернулась к сестре. – Помнишь, как он перепечатал все меню, потому что в назывании фирменного блюда, стейка, оказалась опечатка? Он сказал тогда, что клиенты это заметят и решат, что рестораном управляет идиот.

– Помню.

Тарек добавил крошечную «е», едва заметную между «с» и «м».

– Ну вот, – сказал он, – исправил.

Он взял ключи от ресторана и вышел на улице через кухонную дверь. Я прислонилась к столешнице и наблюдала за мамой. Она аккуратно, ложка за ложкой, зачерпывала молотый кофе и высыпала его в кофеварку с такой осторожностью, как будто ей нельзя было ошибиться.

– Все это как-то странно, – сказала я. – Полицейские сказали, что нашли его у водосточной канавы на Чемеуэви-Уэй. Это значит, что тот, кто был за рулем, должен был съехать на обочину, чтобы сбить его.

– Именно поэтому полиция и считает, что за рулем был пьяный, – сказала Сальма.

В ее голосе звучала знакомая снисходительность. Она всегда так со мной разговаривала. Иногда намеренно, иногда случайно. В этот раз сестра почувствовала, что подобная интонация теперь не к месту, и быстро добавила:

– Или это какой-нибудь морской пехотинец неся на базу в Твентинайн-Палмс. Они ездят, как психи, когда опаздывают.

Мама захлопнула крышку кофеварки и, повернувшись ко мне спиной, начала сворачивать бумажные пакеты из-под продуктов в аккуратные прямоугольники и раскладывать их на столешнице. Я восприняла эти ее действия как знак, что она не хочет сейчас говорить о несчастном случае и не нужно ни о чем ее спрашивать. Она уже рассказала мне все, что знала.

Оставшуюся часть дня мы провели в молчании. Мы достали из стеклянного шкафчика чашки с блюдцами для кофе и маленькие синие стаканчики для чая. Вымыли листья мяты и распаковали закуски, которые принесла Сальма. Когда звонил телефон, одна из нас снимала трубку и объясняла, как до нас добраться. Через некоторое время вернулся Тарек и бросил ключи от ресторана на столешницу.

– Кто займется бухгалтерией? – спросил он.

Я перестала раскладывать салфетки и с удивлением взглянула на него.

– Какой бухгалтерией?

– Кто будет выплачивать зарплату? Платить поставщикам? Теперь это будет непросто, закусочная закрыта.

– Ты что, серьезно сейчас говоришь о деньгах, в такое время?

– Нора! – Упрек прозвучал в голосе Сальмы.

– Что? Ты же сама слышала.

– Вполне разумные вопросы. Не всем же по твоему примеру вечно витать в облаках.

Витать в облаках. Всю свою жизнь только и слышу, что витаю в облаках. Это началось, еще когда мне было девять или десять, – я так увлеченно читала любимые книжки, что не слышала, когда меня звали обедать.

– Вечно ты витаешь в облаках, – нежно шутила мама.

Несколько лет спустя, когда я помогала в ресторане после школы, эти слова из ласковой шутки превратились в горький упрек.

– Ты неправильно посчитала сдачу. Вечно витаешь в облаках, – жаловалась мать.

А позже, когда я не захотела поступать в медицинский институт, это выражение произносилось уже с осуждением.

– Жизнь хочешь себе разрушить, бэнти². Вечно ты витаешь в облаках!

Да, я витала в облаках, только так я могла выжить в этом мире. То, что лучше витать в облаках, а не ходить по земле, я осознала довольно рано, в свой первый день в начальной школе Юкка-Меса, когда миссис Нильсен бодро прочла имена всех детей в журнале, но так и не смогла произнести: «Нора Зор Геррауи». Она предприняла две безуспешные попытки, потом замолчала и хмуро разглядывала странное скопление согласных, непонятно как оказавшееся в списке фамилий. Дети сидели тихо, им было любопытно, что это за странное имя такое, которое не смогла прочесть даже учительница. Потом миссис Нильсен опустила очки чуть ниже на нос и уставилась на меня поверх них.

– Какое необычное имя. Откуда ты?

На перемене дети разлетелись во дворе в разные стороны, а потом сбились в маленькие группки: дети военных, дети из церкви, дети из трейлерного парка, дети хиппи. Я никого из них не знала, и никто не знал меня. Я стояла у синей стены рядом с качелями и наблюдала за ними издали. В буфете я ела заалук³, который мама положила мне в ланч-бокс, а другие девочки за столиком перешептывались. Потом Бриттани Катлер, симпатичная блондинка с косичками и белозубой улыбкой, повернулась ко мне и спросила:

– Что ты ешь?

Я приветливо улыбнулась ей, радуясь, что могу наконец с кем-то поговорить.

– Баклажан.

– А похоже на какашки.

Другие девчонки захихикали и весь оставшийся день называли меня какашкожором. Во время чтения сказки все собрались вокруг миссис Нильсен, чтобы послушать «Рапунцель», но рядом со мной никто сидеть не хотел. Позже миссис Нильсен сыграла на ксилофоне «Мерцай, мерцай, звездочка» и спросила, узнал ли кто-нибудь из нас мелодию. Я сказала: «Это фиолетово-зеленая песня», на что миссис Нильсен ответила: «Нет, милая, это про мерцающую звездочку, она не фиолетовая и не зеленая. Тебе нужно выучить цвета». Я не знала, как объяснить ей, что уже выучила все цвета и говорю об ассоциациях, которые рождает во мне музыка, о возникающих перед моими глазами цветовых оттенках. Поэтому, когда папа приехал за мной после уроков, я бросилась к нему со всех ног как к долгожданному спасителю. Он вытер мне слезки, отвез домой и позволил до ужина съесть любимое печенье.

Но на следующий день пришлось снова идти в школу. Я выучила алфавит и клятву верности⁴, научилась держаться подальше от тех, кто дразнил меня. На уроках я молчала. Во время обеда сидела одна. Молчание дарило мне ощущение безопасности, но все-таки подвело меня через несколько месяцев: миссис Нильсен решила, что у меня трудности с обучением. Одним солнечным майским утром она вызвала маму в школу и говорила с ней, используя такие тер-

² Дочка (*араб.*).

³ Блюдо марокканской кухни, салат из баклажанов.

⁴ Клятва верности американскому флагу. Во многих детских садах и школах США дети перед началом уроков произносят эту клятву.

мины, как: «задержка речевого развития», «социальная тревожность», «оппозиционное расстройство». Все эти слова для моей матери ничего не значили. Тогда миссис Нильсен перешла на шепот.

– С вашей дочерью что-то не в порядке, – проговорила она.

Я играла на желтом коврикe в углу и ждала, когда же мама скажет:

– Все в порядке с моей дочерью!

Но она только медленно кивнула, как будто соглашаясь с учительницей.

Когда отец вернулся вечером домой и узнал, что произошло, он сказал, что учительница просто дура. Хмара!⁵ Так он обзывал телеведущих восьмичасовых новостей, когда они особенно сильно злили его. После этого он вытащил пиво из холодильника и начал перебирать счета на кухонном столе. Я ждала, какой будет реакция мамы. Мама среагировала мгновенно.

– А ты, конечно, лучше знаешь, чем учительница?

– Я знаю свою дочь.

– У Сальмы не было проблем в начальной школе. Она была первой в классе.

– И у Норы нет проблем, Мариам.

– Если она будет и дальше молчать, ее оставят на второй год. Так сказала учительница.

– Не оставят. – Отец взъерошил мне волосы. – Нора, не молчи на уроках, хорошо?

Угроза учительницы, так выразительно пересказанная мамой, оставила в моей памяти неизгладимый след. Если я продолжу молчать, я останусь на второй год, а если я останусь на второй год, мне больше не придется встречаться каждый день с Бриттани Катлер и ее подружками. Так что я осталась в подготовительном классе еще на один год. Я снова учила алфавит и клятву верности, и в этот раз со мной училась Соня Мукерджи, такая же тихая девочка, как и я. Она тоже не вписывалась в коллектив одноклассников. К тому времени, как я перешла в следующий класс, у меня появилась подруга.

Тем не менее только в средней школе я нашла единомышленников – фанатов музыки. За два года до этого, заметив, что я часто говорю о музыке и о ярких цветах, отец записал меня на занятия по фортепиано к миссис Уинслоу – соседке, которая недавно вышла на пенсию и переехала в пустыню, а до этого много лет преподавала музыку в Университете Южной Калифорнии. И она объяснила, как называется моя способность видеть музыку. *Синестезия*⁶. И оказалось, что со мной все в порядке, что не только я таким образом воспринимаю звук, что многие музыканты ощущают музыку так же, как я. На прослушивании в школьный оркестр я сыграла менуэт соль мажор и сразу же получила место. Соню тоже взяли, она играла на флейте. В оркестр попали и другие хорошие ребята: Лили, Джереми, Мануэль и Джейми. Дети, которые спрашивали не «откуда ты?», а «на чем играешь?». На стене над столом учителя был прикреплен плакат, на котором большими буквами было написано: «Ты занимался вчера? Ты занимаешься сегодня? Ты будешь заниматься завтра?». Строгая дисциплина и долгие репетиции, которые устраивал учитель, сплотили нас. Не было даже особой необходимости разговаривать, нужно было просто играть.

Однажды наш джаз-бэнд пригласили выступить на летнем фестивале в Палм-Спрингс. На сцене за роялем я вспомнила совет учителя: «Притворись, что играешь для одного человека, тогда не будешь нервничать». Я взглянула на папу, который сидел в первом ряду, наклонив голову чуть в сторону, и ждал. Потом закрыла глаза и начала играть. Пальцы побежали по клавишам, и мне показалось, что я просто болтаю с другими ребятами из оркестра: окликаю Мануэля на барабанах, отвечаю на вопрос Лили, заданный бас-гитарой. Разговор между нами

⁵ Буквально – ослица (*араб.*).

⁶ Музыкально-цветовая синестезия – восприятие музыки в виде произвольно проявляющихся перед глазами цветowych пятен, полос, волн.

длился и длился, я так погрузилась в эту многоцветную беседу, что почти испугалась, услышав бурные аплодисменты. Помню, как счастлива я была в тот вечер.

И все же ощущение, что я не такая, как все, никогда полностью не покидало меня. Сложности обычно возникали, когда меня спрашивали, в какую церковь я хожу, или когда мама разговаривала со мной на школьной парковке, или когда учитель истории задавал вопрос о Ближнем Востоке, и все в классе поворачивались ко мне в ожидании ответа. Мучило меня еще и то, что родители теперь постоянно ссорились. Каждый раз, когда кто-то хлопал дверью или разбивал тарелку, я запиралась у себя в комнате и включала музыку. Я мечтала вырасти, поступить в колледж, сбежать из пустыни. «Вечно витаешь в облаках!» – упрекала меня мама.

Внезапно сильный аромат кофе, закипающего в кофеварке, ударил в нос, и я поняла, что сжимаю салфетку в руке и всем телом опираюсь на столешницу.

– Я не витаю в облаках, – объяснила я. – Просто мне кажется, что сегодня не стоит говорить о деньгах.

– Мы не о деньгах говорим, – возразила Сальма. – Мы говорим о ресторане баба⁷, который был для него, как ты сама недавно заметила, очень важен.

– Я не об этом.

– О чем же тогда?

– Я ожидала от твоего мужа больше чуткости в сложившейся ситуации, вот и все.

– Он всего лишь хотел помочь.

В дверь позвонили, и я вздрогнула от неожиданности. Сальма пошла открывать, и браслеты на ее запястье ровно позвякивали, будто она отбивала ими ритм. Боль в груди нарастала, я аккуратно сложила салфетки на столе. Только приехала, и вот мы уже ссоримся. И зачем люди приходят так скоро, могли бы и подождать до похорон. Мне не хотелось снова и снова слушать историю, которую рассказывали заново каждому, кто приходил, о том, как во время вечерней пробежки школьная учительница наткнулась на моего отца, который лежал на тротуаре без сознания. Скорая приехала всего через несколько минут, но слишком поздно – он уже умер. Мне не хотелось, чтобы меня спрашивали, где я была, когда это случилось, как узнала об этом. Я устала пожимать руки друзьям сестры, устала слушать их приглушенные голоса. Через некоторое время я сбежала на террасу.

⁷ Папа (араб.).

Джереми

Когда я подходил к ее дому, входная дверь стояла открытой нараспашку. Изнутри доносились разговоры, некоторые из них на языке, звучащем знакомо, но непонятно. У входа стояло в ряд несколько пар обуви, и я подумал, нужно ли и мне снимать ботинки – а вдруг ее вообще нет дома? В коридоре висели фотографии и среди них фото нашего школьного джаз-банда. Я вдруг понял, что никогда еще не бывал у нее дома и тем не менее все эти десять лет мое изображение висело здесь на стене.

В гостиной толпились незнакомые люди, они стояли отдельными группками и пили чай из малюсеньких синих стаканчиков. Ее мать сидела на диване и увлеченно беседовала со стариком в черном жилете и белой тубетейке. На кухне зазвонил телефон. Кто-то крикнул, чтобы принесли воды и таблетку адвила. Было шумно и душно, я почувствовал себя не в своей тарелке. Я приехал прямо из полицейского участка и теперь сомневался, правильно ли поступил. И тут я увидел ее на террасе.

Я прошел через стеклянные двери и испытал огромное облегчение оттого, что выбрался из толпы. Было уже совсем темно, небо из синего стало черным. Вдоль деревянного забора светились в темноте, словно угли затухающего костра, пучки красной кастиллеи. Половицы скрипнули под моими ботинками.

– Нора, – окликнул я ее. Она обернулась на звук моего голоса.

Ее длинные черные волосы рассыпались по плечам. А глаза были именно такими, какими я их помнил, – темными и честными. На ней было зеленое платье, стянутое на талии узким поясом. В желтом свете, проникавшем из гостиной, ее кожа казалась золотистой.

– Мои соболезнования.

Она молча смотрела на меня, и на мгновение у меня мелькнула жуткая мысль, что она меня не помнит и что зря я пришел. Но потом она легко и бесшумно, босиком, прошла по деревянному настилу террасы и обняла меня. «Ласково обняла», – думал я позже, сидя в теплой ванной.

– Спасибо, что пришел, Джереми, – сказала она. Потом она отступила назад и заглянула внутрь дома, в гостиную. Внезапно кто-то громко зарыдал, и тут же зазвучали скорбящие, утешающие голоса. Нора снова обернулась ко мне, в ее взгляде читалась тоска.

– Ты не против... если мы останемся здесь?

– Конечно, конечно.

Я сел рядом с ней на деревянную скамейку. Я ни минуты не сомневался, что поступил правильно, решив навестить старую подругу, но при этом не мог найти верных слов, чтобы как-то утешить ее. В результате не придумал ничего лучше банальности:

– Твой отец был хорошим человеком.

– Спасибо, мне приятно это слышать, – поблагодарила она и легонько коснулась моей руки.

– Помню, как он приходил послушать нас, то есть тебя, во время дневных репетиций. Никто больше из родителей так не делал.

Нора скрестила перед собой длинные загорелые ноги, ногти на ногах она красила красным лаком. Я отвернулся и хлопнул себя по карману, пытаясь вспомнить, сколько сигарет выкурил за день. Меньше пяти. Моя новая дневная норма.

– Можно я закурю?

– Конечно, как хочешь.

Я закурил сигарету и выпустил дым в сторону от нее, но ветер свел мои усилия на нет. Вот уже неделю свирепствовал ветер Санта-Ана, он нес с гор в долину жару, пыль и крики

диких животных. В промежутках между порывами ветра из гостиной доносилось тихое гудение разговора.

– Откуда ты узнал, что с отцом что-то случилось?

– Коллега занимается этим делом.

– Ты работаешь в полиции?

– Помощник шерифа. Почему это тебя удивляет?

– Я думала, ты станешь учителем или кем-то в этом роде. Ты всегда был лучшим в классе по английскому.

Только по этому предмету я и успевал. По правде говоря, я не особенно хорошо учился в старших классах. Постоянно отвлекался, жаловались учителя. Дело было не в том, что я не мог сосредоточиться на уроках. Я был страшно вымотан. Я работал после школы, присматривал за сестрой, каждый вечер сидел допоздна, ждал, когда отец придет домой. Ничего из того, о чем учителя говорили на занятиях, не казалось таким уж важным по сравнению с этим. На уроках английского мы хотя бы читали романы, я всегда любил читать. Я затянулся сигаретой и попытался представить Норину фантазию, как бы выглядел, если бы стал учителем, стоял бы перед детьми в классе. Но этот образ показался мне нелепым. Я не мог представить другого пути, чем тот, по которому пошла моя жизнь.

– Мы не всегда получаем то, на что рассчитываем, мне кажется, – сказал я. – А кем ты стала?

– Я музыкант. Композитор.

– Ну конечно, кем еще ты могла стать.

Что может быть естественнее, чем Нора за роялем? Она всегда приходила на уроки музыки на минуту-другую раньше остальных, а уходила самой последней. Каждую композицию играла идеально с первого раза, и ей приходилось ждать, пока подтянутся остальные.

– А где-нибудь можно послушать твою музыку?

– Как тебе сказать, – она задумалась. – Я записала несколько композиций, их можно найти в Интернете, но оркестровых заказов и контракта на запись у меня нет. Работаю учительницей вне штата, чтобы оплачивать счета. Так что...

В этот момент мне показалось, что я должен как-то утешить ее.

– Уверен, скоро у тебя будет контракт.

– Хоть кто-то в этом уверен, – усмехнулась Нора.

Мы надолго замолчали, молчание не вызывало неловкости. Спрятавшись вдвоем здесь, в темноте, мы видели все, что происходило в доме. От этого возникало странное ощущение близости, будто мы были свидетелями чего-то таинственного, даже недозволенного. На кухне сестра Норы ставила чайник на плиту и что-то говорила двум женщинам у столешницы. В гостиную вошла пожилая пара с тарелками, накрытыми алюминиевой фольгой. Зазвонил телефон. Он прозвонил три раза, прежде чем сняли трубку.

– Тебе хочется, чтобы все эти люди ушли? – спросил я.

– Такой ужасный день, я не могу ни с кем разговаривать.

– А кто они?

– Мужчина рядом с мамой – это мой дядя. Он привел друга, который работает в мечети в Лос-Анджелесе, чтобы тот помог нам организовать похороны. Пара, которая пьет кофе на кухне, – это наши соседи. А остальные гости по большей части друзья сестры.

На сосне ухнула сова. Нора подтянула коленки к груди и обхватила их руками.

– Не могу плакать, – сказала она.

– Я тоже не мог плакать, когда мама умерла. Сначала совсем не мог. – Я затушил сигарету.

– Можно стрельнуть у тебя сигаретку? Ты меня искушаешь.

Я щелкнул зажигалкой и заметил буквы, вытатуированные на внутренней стороне ее запястья, но слов разобрать не сумел – было слишком темно и у Норы дрожали руки.

– Конечно, это слабое утешение, – сказал я, – но Коулман, которая работает над этим делом, – отличный детектив. Она обязательно поймает ублюдка, который это сделал.

– Нам она ничего не сказала. Отца сбила машина в полуквартале от ресторана, но она не смогла там найти никаких зацепок. Ничего.

– Она найдет. Просто на это нужно время.

– Я так и знала.

– О чем ты?

– Что-то ужасное должно было случиться. Помнишь, после одиннадцатого сентября ресторан подожгли? Полиция так и не выяснила, кто это сделал. После этого папа вывесил огромный флаг, как будто нужно доказывать, что мы не террористы. Я уговаривала его продать бизнес, постоянно уговаривала. Но он не хотел, ему здесь нравилось. Бог знает почему.

Она как будто разговаривала сама с собой, спорила с прошлым, словно могла таким образом изменить его. Как будто прошлое можно изменить. Я пережил то же самое, когда умерла мама. Однажды вечером вернулся домой с тренировки по бейсболу – похвалы тренера все еще звучали в ушах, мини-юбка Мэдди Кларк, кричавшей мне что-то с трибун, будоражила воображение, улыбка от шуток товарищей по команде все еще играла на губах – и обнаружил маму без сознания в коридоре с сумочкой на груди и почтой в руке. Я бросился к телефону, параллельно пытаюсь вспомнить, что рассказывали на уроках оказания первой помощи, которые были у нас два года назад в седьмом классе. Что я должен сделать? Проверить пульс? Повернуть ее или оставить лежать на боку? Я осторожно повернул ее на спину, похлопал по щекам, расстегнул воротник. Мне удалось нащупать у нее пульс, но разбудить ее я не смог, не смогли и врачи, которые приехали на «скорой». К тому времени, как отец и сестра приехали в медицинский центр «Хай-Дезерт», она уже умерла. Легочная эмболия. До сих пор помню с поразительной ясностью, как в бесцветном больничном коридоре отец пытается объяснить врачу, что это, должно быть, какая-то ошибка, этого просто не может быть. Она не больна, только чуть-чуть кашляет.

Но никакой ошибки не было, мама умерла. Когда я вернулся в наш опустевший, темный дом, ее там не было. Она не окликнула меня из спальни и не спросила: «Ты что, еще не спишь? Ложись скорей, завтра в школу». Утром она не потягивала кофе, облокотившись на столешницу и глядя в окно на новый день. И не спросила: «Ты не забыл вчера вынести мусор? Какой-то странный запах». Не взъерошила мне волосы, не поинтересовалась, хорошо ли спал. Я вообще не спал, ни в ту ночь, ни во многие, следовавшие за ней. Слишком осязаемым было мамино отсутствие, я не мог позволить снам завладеть мною.

На похороны приехали тети Аура и Эстелла из Эль-Монте, прилетел дядя Пол из Орегона. Они купили мне черный костюм, помогли завязать галстук и рассказали множество историй о маме, которые я раньше не слышал: как мама выиграла второе место в танцевальном конкурсе на фестивале в округе Оранж; как она покрылась волдырями, когда сдавала экзамен на право работать учительницей в школе; как она могла сыграть на слух любую, даже самую сложную мелодию на скрипке; как всего через три недели после рождения Эшли она отправилась в Сонору помочь попавшей в беду кузине. Все эти истории рассказывались, чтобы утешить меня, но только еще больше мучили. Мне хотелось, чтобы все родственники поскорей уехали. Потом они уехали, дом снова опустел, и я пожалел, что никто из них не задержался подольше. В школе я почувствовал себя чужаком. Товарищи по джаз-банду подарили открытку с соболезнаваниями, которую все подписали, но весенний концерт я пропустил и чувствовал себя лишним, когда они обсуждали его. Несколько ребят из бейсбольной команды подошли, чтобы выразить соболезнавания, но во время обеда сторонились меня, как будто мое горе было заразным. А когда я вернулся домой, отец сидел в темноте, пил и смотрел в одну точку. В доме стояла такая глухая и неумолимая тишина, что Эшли ушла ужинать к Джонсонам, шумным соседям, жившим через два дома от нас.

– Пап, хочешь, просто поужинаем хлопьями? – предложил я.

– Как хочешь, – ответил отец.

Домашнее задание я делал в гостиной и, чтобы заполнить тишину, включил телевизор. Звук, как ни странно, успокаивал, хотя и мешал сосредоточиться. Я читал и перечитывал одни и те же три-четыре строчки в учебнике, а мысли мои постоянно возвращались в те далекие дни, когда мама была жива и здорова. Она никогда больше не придет смотреть, как я играю в бейсбол с командой, в которую с таким трудом попал, не подскажет, как правильной держать музыкальную интонацию во время игры на гитаре, не притворится, что смеется моей глупой шутке. Я даже не осознавал, насколько близки мы были, пока она не умерла.

Потом Эшли начала ходить с Джонсонами в церковь, где по вторникам и четвергам проводились популярные занятия по изучению Библии. В такие вечера она возвращалась домой с довольным выражением лица, и я уверен, что это выражение не могло быть вызвано исключительно угощением, без которого не обходилось ни одно занятие. Родители регулярно посещали церковь, хотя и не сыпали цитатами из Писания, не раздавали религиозные буклеты соседям и не закатывали глаза при слове «эволюция», как Джонсоны. Но теперь отец по воскресеньям даже из дому не выходил.

– Пап, мне приготовить макароны с сыром? – спрашивал я.

– Как хочешь, – отвечал отец.

Я начал приходить домой пораньше, чтобы успеть приготовить ужин. Я слишком часто пропускал тренировки, и меня исключили из бейсбольной команды. В сентябре, когда самолеты врезались во Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, отец распрямился в своем кресле и впервые обратил внимание на телевизор. С тех пор он смотрел «Фокс ньюс» с такой громкостью, что я уходил к себе в спальню, якобы для того, чтобы делать уроки, хотя большую часть времени что-то читал или играл на гитаре. Учился я теперь плохо.

Зато готовил хорошо. Почти каждый вечер к семи у меня было готово основное блюдо и гарнир к нему. Отец съедал все, что я перед ним ставил, но Эшли всегда спешила к Джонсонам и никогда не доедала свою порцию, приходилось доедать за нее. Я сильно растолстел, и в основном не в тех местах, в каких следовало. Когда я шел по школьному коридору, мне казалось, что все пялятся на сиськи, выросшие у меня под футболкой. Теперь, когда я здоровался с Мэдди Кларк, она брезгливо ворчала что-то в ответ. Всего несколько месяцев назад я на голову возвышался над остальными мальчиками, а теперь стал еще более заметным, но странным образом чувствовал себя невидимкой. Дни превратились в череду механических действий: подъем, дорога в школу, возвращение домой, готовка ужина, сон, и все заново.

До маминой смерти я планировал поступить в университет, изучать логопедию. В детстве у меня были трудности с произношением и понадобилось несколько месяцев терапии, чтобы преодолеть их. До сих пор помню, какой радостью для меня была эта победа. А поскольку мама преподавала детям, для которых английский был неродным, мне казалось, что такая карьера – работа с детьми – мне подойдет. Но в декабре, в выпускном классе, когда пришло письмо о приеме в институт, энтузиазм мой уже угас, и я не был уверен, что логопедия – это мое.

– Пап, как ты думаешь, мне поступать? – спросил я.

– Как хочешь, – ответил отец.

Мне трудно было избавиться от ощущения, что теперь я сам себе родитель. Я ходил за продуктами, готовил и стирал. Когда у Эшли начались месячные, именно я пошел с ней в магазин за тампонами. У отца постоянно возникали проблемы с деньгами, поэтому я нашел подработку в кафе-мороженом. Денег все равно не хватало, и каждый месяц мне приходилось решать, какие счета оплачивать, а какие оставлять без внимания. Я хотел, чтобы хотя бы в этот раз отец помог мне, направил меня, поговорил бы со мной о будущем, помог сделать выбор. Если ему это было не по силам, он мог хотя бы прийти на наше выступление. Хоть один раз. Перед каждым концертом джаз-банда средней школы Юкка-Вэлли я прилеплял к

холодильнику флаер, на котором маркером были обведены дата и место, где пройдет концерт. Я выходил на сцену с гитарой и внимательно оглаживал зал в надежде разглядеть отца. Но он так ни разу и не пришел, а вот Норин отец был там каждый раз. До сих пор помню, как бешено я завидовал Норе, когда видел мистера Геррауи в первом ряду. В его взгляде светилась гордость, то, чего я никак не мог разглядеть в глазах собственного отца.

Я взглянул на Нору. Кончик ее сигареты оброс пеплом.

– Осторожно, – предупредил я, – обожжешься.

Нора посмотрела на сигарету, словно не понимая, откуда та взялась у нее в руке. От непроизвольного движения пепел упал и рассыпался по тыльной стороне ее ладони. Она смахнула пепел, потом снова заглянула через стеклянные двери в гостиную. Толпа наконец поредела, осталось всего несколько человек. Нора встала.

– Еще раз спасибо, что пришел, Джереми. – Она проводила меня обратно через весь дом до двери.

На этот раз я не остановился, когда проходил мимо фотографии на стене в прихожей.

Мариам

Я старалась не заснуть, поэтому включила радио и искала на волнах передачу Клаудии Корбетт. Обычно она идет в обеденное время, и я слушаю, пока чищу картошку и режу петрушку, но из-за популярности программу повторяют в десять вечера. В тот вечер на передачу позвонила молодая женщина и рассказала, что вышла замуж всего полгода назад, и что они с мужем уже ссорятся, потому что он хочет переехать в Портленд, чтобы стать фотографом-натуралистом, а ей не хочется терять работу в страховой компании в Солт-Лейк-Сити, и что ни один из них не готов изменить решение. «Послушайте, – резко ответила ей Клаудия, как она иногда делает, когда позвонивший начинает нести чушь и не желает признавать очевидного, – никто не говорил, что брак – это легко. Брак – это работа».

Когда мы тридцать пять лет назад переехали в Америку, на многие вещи я просто не знала, как реагировать: оружейные магазины рядом с парикмахерскими, автострады, переплетенные друг с другом, будто нити в клубке пряжи, люди, которые стучатся в дверь, чтобы поговорить об Иисусе, двадцать видов молока в продуктовом, знаки с надписью «Даже не думай тут парковаться». Помню, как я показывала один такой Дриссу. «Здесь даже есть знаки, запрещающие думать!» Но больше всего меня поражало то, как любят американцы исповедоваться на телевидении. Мужчины рассказывали о своих интрижках, пагубных привычках и зависимости от азартных игр, женщины делились проблемами лишнего веса, говорили о пластических операциях и внебрачных детях; даже подросткам было что сказать, в основном о своих ужасных родителях. И все это было вроде как в порядке вещей. Я не могла оторваться. Телевизор стоял на шкафу с хозяйственным инвентарем в задней части пончиковой, и, пока я мыла посуду или полы, я смотрела «Салли» или «Донахью», которых тогда показывали в середине дня, когда в заведении было тихо. Брат говорил, что телевизор поможет мне лучше понимать английский, я и правда выучила много новых слов, таких как «тест на отцовство», «искусственное оплодотворение» и «эпидемия СПИДа». Но главной моей проблемой были не незнакомые слова, а произношение, я легко могла сказать «стол», имея в виду «ствол», или «тугой» вместо «другой». Мне не хватало практики. В Касабланке у меня было две сестры, три дяди и восемь кузенов, а здесь, в Калифорнии, от всей моей семьи остался только брат, и то, чтобы увидеть его, надо было проехать двести с лишним километров. Я не осознавала, как это далеко, пока мы не перестали видеться каждый день и не начали встречаться не чаще раза в месяц, а иногда и того реже. Я как будто потеряла всех родных, стала сиротой, и для меня это оказалось самым трудным в новой американской жизни.

Однажды мы пошли в «Стейтер бразерс»⁸ на 62-й. К тому времени мы прожили в Мохаве уже почти девять месяцев, но это была наша первая зима здесь, и мы еще не привыкли к холоду, поэтому я укутала Сальму в зеленое шерстяное пальто, которое купила для нее в секонд-хенде. Она сидела в тележке для покупок, это было еще одним непривычным для меня американским новшеством, но ей нравилось кататься по магазину, а я не видела в этом ничего плохого. Я просмотрела купоны, которые мы вырезали из газеты, и нашла скидку на резанные помидоры в банке, но ни на одной полке в этом магазине их не было. «Уверен, у них есть эти помидоры», – сказал Дрисс. Он всегда был таким, всегда верил, что все получится, даже если дело касалось глупых мелочей, поэтому он искал банку, а я ждала и тряслась от холода в джинсовой куртке. Тут мимо нас прошла покупательница с тележкой, от нее пахло ароматом розовой воды, и в то же мгновение я оказалась в Касабланке рядом с сестрами. Мы накручиваем волосы на бигуди и красим губы помадами разных цветов, любимся на себя в зеркале на туалетном столике, под

⁸ Сеть продуктовых магазинов.

рамку которого вставлена фотография Шадии⁹. Ее великолепную прическу, пышный начес, мы и пытаемся повторить. Радио включено, мы ждем, когда диджей поставит композицию «Би Джиз», позже к нам придут друзья, и все вместе мы пойдем в кино, смотреть фильм с Рошди Абаза в главной роли.

Сама не зная почему, я пошла за этой женщиной по проходу, вдоль большого холодильника, из которого она взяла молоко, масло, яйца и сок в таком количестве, что хватило бы на большую семью. Затем мы прошли к угловой витрине, на которой она выбрала новый ланч-бокс с картинкой из кинофильма «Инопланетянин»: инопланетянин и мальчик соприкасаются пальцами, и между ними мерцает лучик света. У женщины были длинные каштановые волосы почти такого же оттенка, как у меня, только она расчесывала их на прямой пробор, и помню еще ее пальто с огромными подплечниками по тогдашней моде. Она перешла в другой отдел и стала выбирать муку для выпечки из десятков вариантов, красовавшихся на полке.

– Здравствуйте, – сказала я. Женщина обернулась, вопросительно приподняв брови, ее губы растянулись в неловкой улыбке.

Мне хотелось сказать ей: «Меня зовут Мариам. А вас как зовут? Вы живете поблизости? Чем вы занимаетесь? У вас есть дети? У меня дочь, ей три года. Вы не хотите как-нибудь выпить со мной чаю? Вы хотите испечь торт? Я знаю отличный рецепт. Но эту муку брать не стоит, она не подходит для тортов». Но, когда я открыла рот, ничего этого сказать не получилось, слишком сильно колотилось сердце.

– Да? – спросила она. – Вам помочь?

– Это плохая мука.

– Что?

Потом я запомнила, что надо проговаривать слова про себя, прежде чем произносить их вслух, так меня учили в школе, когда мы читали стихи Аль-Хансы или Аль-Мутанабби и нельзя было произнести их с неправильной интонацией или как-то не так выговорить слова, но в тот день я забыла об этом и чувствовала только, как чужой язык предает меня.

– Это, – повторила я, – плохая мука.

Женщина удивленно посмотрела на полки.

– Я не понимаю.

– Слишком толстая.

⁹ *Шадия* – египетская актриса и певица. Известна ролями в легких комедиях и драмах 1950–1960-х годов. Символ золотого века египетского кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.